

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ПОИСК В СОСТОЯНИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В.В. КОСТЮШЕВ

Одной из базовых, по моему мнению, социокультурных характеристик современной культуры постсоветского российского общества является идентификационный поиск в особых состояниях структурной неопределенности. И, как представляется, эта характеристика может быть рассмотрена в качестве и барьера, и ресурса возможного инновационного развития.

В современной политической и социальной истории России сложный идентификационный поиск – с перманентными неточностями, взаимными искажениями, идентификационными ошибками – осуществляется всеми акторами политического и социального пространства.

Если справедливо, что ситуации идентификации определяются сопряженностью и конфликтом двух базовых идентичностей (социальной идентичности, приписываемой актору внешним окружением, и самоидентичности, определяемой актором по отношению к себе в контексте заданных условий), то в современном трансформационном периоде конфликт социальной идентичности и самоидентичности акторов многократно усиливается и становится доминирующей характеристикой, определяющей все политическое и социокультурное пространство на всех уровнях общественной жизни: от внешнеполитической идентичности государства «Российская Федерация» и, соответственно, государственной самоидентификации – до социальной идентификации и личностной самоидентификации каждого человека, являющейся классическим предметом психологии и социологии.

Приписывание предикативных свойств случайным переменным – распространенная, к сожалению, ошибка современной политической диагностики, особенно ярко представленная в политической публицистике, преодоление которой видится в выделении некоторых базовых характеристик процесса – в нашем случае, политической культуры – которые внутренне амбивалентны, и только в последующем – обнаружении его предикативных характеристик. Можно предполагать такие базовые характеристики, описывающие тектонические сдвиги в культуре, к которым можно отнести характеристики: (а) иден-

тичности и самоидентификации в культуре, (b) определенности/неопределенности координат социокультурных изменений, (c) устойчивости/неустойчивости состояний культуры, в том числе политической культуры.

Хорошими описательными и объяснительными возможностями обладают в этом методологическом контексте три класса концепций: (1) концепции идентичности и самоидентификации, которые в данном случае можно рассматривать в фокусе идентификационного опознавания как процесса поиска идентичности, предопределяющей конативные, эмотивные и когнитивные характеристики, и назвать соответственно — концепцией идентификационного опознавания; (2) концепций неопределенности, описывающих особенные общественные состояния, характеризующиеся неразвитостью — или, в радикальном случае, отсутствием социокультурных матриц, ясных для массового общественного сознания и идеологических проектов, критериев и координат переживания, понимания и акционистских оценок прошлого, настоящего и проектирования будущего (в превращенной форме общественных движений — лаборатории будущего, «кочевников современности», по удачному метафорическому определению Альберто Меллучи), рассогласования и структурного конфликта парадигм в проектировании настоящего; (3) концепций устойчивости/неустойчивости, связанных, можно предполагать, с нарушением естественной цикличности процессов социокультурных изменений вследствие, прежде всего, жесткого политического активизма такого «искусственного тела», как государство, а также — во вторую и последующую очереди — других акторов поля политики; неустойчивость определяется также макросредой, жесткой несамостоятельностью (зависимостью) от международного рынка и другими международными факторами — в целом мощной производностью и принципиальной вторичностью внутренних экономических и политических процессов от международной экономики и политики.

Рассогласование естественно в условиях социальной неопределенности — вся система идентичностей и самоидентификаций в состоянии структурной неопределенности тотально рассогласованны — и образ гигантского сумасшедшего дома здесь вполне уместен, но также правомерно предполагать — именно для состояний структурной неопределенности — нефиксируемость в общественном и индивидуальном сознании

рассогласований идентичностей — по причине отсутствия координат, вследствие самой структурной неопределенности. Каждый сам себе определяет критерии, каждый сам себе идентификатор и сам себе — основной закон/конституция, поскольку только он сам знает-предполагает-переживает внутреннюю мотивацию и потребность, имеет свой интерес, внутреннюю заинтересованность — можно попробовать навязать идентичность извне. Но усваивается или не усваивается, принимается или не принимается социальная идентичность, в конце концов, производится-конструируется самоидентификация самим человеком.

Каковы же типичные рассогласования в процессах идентичности и самоидентификации? Можно предполагать формальные классификации рассогласований, но много интереснее обнаружить таксоны рассогласований — в реальных практиках социальных идентификаций. Для понимания критериев формальных классификаций: можно говорить об «истинной» идентичности, например, гендерной, возрастной, образовательной, этнической или профессиональной. Но даже здесь — в относительно ясных для повседневных практик — есть серьезные теоретические трудности по причине совмещения «миров» в каждой индивидуальности.

Более простой критерий: устойчивость/воспроизводимость идентификационных характеристик — если человек считает себя Наполеоном, то он и находится: в устойчивом состоянии и в смирительной рубашке. Более важным критерием будет совмещение самоидентификации и социальной приписываемой идентичности: профессиональной, гендерной, образовательной, возрастной и др. За точку отсчета можно брать согласование внутренней и внешней идентичности. Первая шкала формальной классификации находится здесь: внутренняя — внешняя; вторая шкала рассогласований: между разными социальными идентичностями одного актора поля со стороны других акторов, и эти рассогласования естественны; третья формальная шкала: внутреннее сосуществование и конфликт разных — даже противоположных — идентичностей в одном акторе, осознание этих идентичностей и их проекция вовне, в конативные, эмотивные и когнитивные формы индивидуальной жизни. Итак, можно констатировать методологическую возможность диагностики по формальным шкалам идентификационных рассогласований и эмпирической выводимости так-

сонов идентификационных рассогласований, и в этом направлении существенны обоснования признаков шкал.

Описательные и объяснительные модели особых состояний структурной неопределенности разработаны в современной научной литературе неполно и недостаточно строго — по отношению к богатым возможностям заявленной парадигмы. Можно сказать, что исследовательский профессиональный дискурс данного направления только начинает разрабатываться. Важным направлением формирования исследовательской матрицы парадигмы могут служить и редукционистские концептуализации принципа неопределенности Гейзенберга, и теоретические модели порядка/беспорядка, хаоса/организации и др., и концептуальные реинтерпретации многочисленных эмпирических исследований устойчивости/изменчивости различных политических и социальных институтов.

Идентификационный поиск, прежде всего, сильная мера рассогласования социальной идентичности и самоидентификационного опознавания, в состояниях структурной неопределенности может рассматриваться в качестве мощного социокультурного барьера возможному инновационному развитию. В первую очередь — вследствие структурной неустойчивости контекстуального статуса акторов политического и социального действия в неопределенном и постоянно меняющемся политическом поле, а также вследствие неопределенности и неустойчивости статуса самого проектируемого и осуществляемого действия как потенциально инновационного или не-инновационного. Заявленная парадигматика дает, по моему мнению, новые эвристические возможности для понимания самого политического и социального действия как действия инновационного — в зависимости от контекста самой модернизируемой среды.

Но рассогласование социальной идентичности и самоидентификационного опознавания в состояниях неопределенности может рассматриваться и в качестве важного ресурса инновационных практик. И основной аргумент в пользу такого понимания сводится к тезису: практики активного идентификационного поиска могут рассматриваться в качестве практик снятия/преодоления неопределенности, а также, соответственно, формирования и становления определенности в социальной идентичности и внутренней самоидентификации актора действия, и становления определенности и устойчивости всего поля взаимодействия акторов поля, его основных характеристик.

В плане заявленной методологии возможны эмпирические прикладные исследования — сравнительный анализ инновационных и инерционных практик в контексте социокультурных сред по критериям субъектности, целеполагания, потенциальной и реальной функциональности, устойчивости. Речь идет и о таких важнейших для данного подхода характеристиках, как устойчивость и модальность социальной идентичности и самоидентификации. Теоретически возможно также выделение типов инновационных и инерционных практик, а также идентификационных практик, различающиеся по когнитивным, эмотивным и конативным признакам — с предположением доминанты значения одной из характеристик в совокупности других признаков. Возможно и рассмотрение особенностей реализации инновационных практик в инерционной социокультурной среде, их потенциальной и реальной функциональности в зависимости от меры открытости и устойчивости социокультурной среды и рассогласования социальной идентичности и внутренней самоидентификации. На этой основе можно сформулировать теоретическую гипотезу потенциальной гибридности результата инноваций в зависимости от меры инерционности социокультурной среды — с выделением различных стадий всего инновационного цикла.

Аннотация

Ключевые слова: *идентификационное опознавание, радикальные трансформации, социальная идентификация, структурная неопределенность.*

Процесс социальной идентификации, атрибутивный для любого общественного состояния, многократно усложнен особым состоянием социальной среды, которое можно определить как состояние структурной неопределенности. В неопределенность «вброшены» все акторы пост-советского и российского поля политики в период последнего десятилетия радикальных трансформаций. Радикальные экономические, политические и социальные изменения затрагивают и, возможно, радикально меняют фундаментальные социокультурные матрицы общественной жизни, в том числе и процесс идентификационного опознавания.

Summary

Keywords: *Identification recognition, radical transformations, social identification, structural uncertainty.*

The process of social identification, attributive of any social condition, is complicated by a special condition of social environment, which can be defined as the state of structural uncertainty. During the last two decades of radical transformations, all the actors of post-Soviet and Russian political field are «thrown» into uncertainty. Radical economic, political and social changes have an impact and possibly radically change fundamental matrix of public life, including the process of identification recognition.